

18+

ЭЛИССОН
ВУД

быть Мом Той

Реальная
история
разрушительных
отношений

Young adult. Правдивые истории

Элиссон Вуд
Быть Лолитой

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Вуд Э.

Быть Лолитой / Э. Вуд — «Эксмо», 2020 — (Young adult.
Правдивые истории)

ISBN 978-5-04-164873-2

«В какой момент девочка становится жертвой?» «Быть Лолитой» — это ошеломляющие своей откровенностью мемуары о взрослении, которые проливают яркий свет на наше меняющееся восприятие таких понятий, как «согласие», «уязвимость», «власть». Семнадцатилетняя школьница оказывается вовлечена в отношения со взрослым учителем, вдохновленным романом «Лолита». Так она из ученицы превращается в любовницу, а потом — в жертву. Это история о том, что происходит, когда молодая женщина переосмысливает опыт своего прошлого, а затем берет перо, чтобы рассказать свою правдивую историю. Элиссон Вуд — писательница, чьи эссе были опубликованы в New York Times, Catapult и Epiphany. Элиссон имеет степень магистра изящных искусств Нью-Йоркского университета, там же преподает креативное письмо. Также Элиссон Вуд — основательница и главный редактор литературного журнала Pigeon Pages.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-164873-2

© Вуд Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Элиссон Вуд Быть Лолитой

*Слово за словом за словом – в этом и заключается сила.
Маргарет Этвуд*

Alisson Wood BEING LOLITA

Copyright © 2020 by Alisson Wood. All rights reserved.

Перевод с английского *Дарьи Кандалинцевой*

В коллаже на переплете использованы иллюстрации: © Oksana Lysak, skopva / Shutterstock.com; В оформлении авантитула использована иллюстрация: © Podessto / Shutterstock.com. Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Кандалинцева Д., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Когда он впервые поцеловал меня, то поцеловал не в губы. Тогда я еще не читала книгу. Он сказал, это красивая история о любви.

Мы встречались в круглосуточной закусочной у трассы, ведущей в соседний городок. Я знала, во сколько нужно прийти к нашему столику в углу зала, потому что посреди урока, прямо у всех на виду, он смотрел мне в глаза и писал цифру на доске – восемь или девять, или десять, – а потом стирал ее другой рукой. Он был моим учителем английского языка в

школе. Рукава его рубашек всегда были испачканы мелом. Ему двадцать шесть. Мне, когда мы впервые встретились, семнадцать.

Я говорила родителям, что иду к друзьям или делать уроки. На самом же деле сидела часами напротив него. На стене над его головой висела картина греческих руин; он выставлял оценки за сочинения, а я иногда учила латинский. Но обычно я писала ему, а он забирал мои записи домой или же читал прямо там, под круглосуточной флуоресцентной лампой, и писал ответ – на салфетках, бумажных клеенках, клочках школьных бумаг. Наверное, мы исписали своими буквами сотни страниц, но у меня остались всего несколько, которые я спрятала от него, украла и сохранила. Прежде чем уйти, он собирал бумаги и салфетки, рвал их и складывал в наши стаканы с водой, а я наблюдала, как растекаются чернила и теряют свою форму буквы. Мне нельзя было хранить их. Мне не следовало обращаться к нему на «вы», когда мы были вдвоем, я должна была просто называть его по имени. Однако я не могла называть его по имени в школе. Никаких телефонных звонков, никаких электронных писем, никаких прикосновений. Он установил правила.

Эти правила нарушались в той самой закуской за нашим столиком. Стоял май, почти что наступило лето, в каждом классе обсуждали выпускной, в коридорах висели цветастые плакаты и блестящие от клея баннеры. Всюду считали дни. От этого было не убежать.

Он пытался научить меня великой литературе, подготовить к тому, что ждало меня в колледже всего через несколько месяцев.

– Тебе определенно следует изучать английский, – сказал он мне, откинувшись на спинку и раскинув руки, занимая столько места напротив меня, сколько возможно. Именно эта поза, если бы мы сидели одни в темном кинотеатре, означала бы, что дальше он положит руку мне на плечо. Он бы не стал притворно кашлять, а просто сделал бы, что хотел. Я в этом уверена.

За нашим столиком из бежевого пластика и потускневшего серебра он читал мне произведения великих: Эдгар По, Диккенс, Готорн, Кэрролл. Его это вдохновляло, он подражал разным голосам, читая «Алису в Стране чудес», смеялся над литературными шутками, которые мне полагалось понимать, и поэтому я тоже смеялась. Я поддакивала, думая, как мне повезло заполучить такого личного учителя.

В ту ночь он читал мне «Лолиту» с самого начала. Разговаривал со мной набоковскими цитатами, смеясь: *«Свет моей жизни, огонь моих чресел»*. Мне казалось, ничего не может быть романтичнее. Но я все портила – постоянно терла лодыжки друг о друга, пытаясь почесать комариный укус. Ребенок, который не может сидеть спокойно.

Он начал водить большим пальцем по странице, нажимая все сильнее и сильнее, оставляя крошечные прорехи на бумаге, а его голос становился громче.

– Комар укусил? – спросил он наконец.

– Да, – сказала я, сидя прямо, будто к моей спине приставили невидимую линейку.

– У тебя нет каламинового лосьона?

– С собой нет, – сказала я.

– Знаешь, – сказал он, – слюна помогает от зуда.

Он посмотрел на меня. У него зеленые глаза. Мои ноги в шлепанцах лежали на потрескавшейся красной коже диванчика рядом с ним, мои коленки были словно соединительным мостом между нашими сиденьями. Я его не касалась, не нарушала правила.

Он склонился над моей ногой и прислонил губы к порозовевшей опухшей лодыжке. Я ощутила его дыхание на своей коже.

В тот момент будто враз распахнулись все шкафчики в школьном коридоре, металл поцеловал бетонные стены. Именно так я себя ощущала.

Часть 1

Нимфа

1

– Я думал, она умерла, – шепнул кто-то. Я не знала, кто сказал это, но знала, что говорили обо мне.

Помню коридоры школы в первый день выпускного года. Помню шкафчики, зеленые, как мухи, и темно-коричневые, как болезнь.

«Слышала, ее забрали в психиатрическую больницу, там она и была весь прошлый год. Какая же она шлюха. Видели шрамы у нее на руках?»

Помню, я проснулась рано в то утро, волнуясь перед предстоящим днем, долго выбирая, что надеть. Мама пыталась заплести мне косу, но выглядело неидеально, поэтому я распустила волосы. Помню, поняла, что забыла почистить зубы, только когда уже зашла в школу и подбирала код к шкафчику.

«Ее выгнали. Она бросила всех друзей. Слышал, она пыталась покончить с собой».

Помню, я шла одна.

Об одиночестве написано много литературы. Об одиночестве как о предпосылках любви. Будто ты не можешь по-настоящему полюбить кого-то, пока не окажешься в одиночестве и без любви на какое-то время. По крайней мере, если ты женщина. Будто период затянувшегося одиночества является очищением, делает девочку достойной мужской любви. Вспомните греческие мифы: «Одиссей» – Калипсо и ее колдовской танец на острове в полном одиночестве, Пенелопа и ее двадцатилетнее ожидание, пока не вернется странствующий муж. Вспомните наши сказки и истории, которые мы рассказываем дочерям перед сном: Золушка, трудящаяся в грязи, пока не примерила туфельку; Рапунцель, живущая в башне, где единственной компанией ей были ее длинные волосы. А потом появляется принц, который ее спасает.

Набоков писал, что все хорошие истории – сказки. В семнадцать я не могла дождаться, когда стану чьей-нибудь принцессой.

2

Все началось не случайно. Середина сентября: я ходила на уроки писательского мастерства, а еще на английский, в театральный кружок, в студию искусств, на курсы математики и латинского. Ненавидела алгебру, обожала латинский. Но больше всего мне нравилось писать. Моя учительница по писательскому мастерству, мисс Кроикс, была новенькой. Она ничего обо мне не знала, лишь видела записи школьного социального работника. На уроке она предложила мне написать на пустых страницах все, что я захочу.

Фиолетовыми чернилами она выводила комментарии в моей тетради для сочинений с обложкой в черно-белую крапинку: что-то вроде «Какая фраза!» или «Как точно!», или «Вау!» с кучей восклицательных знаков. В семнадцать я заполняла тетради быстрее потока воды.

В тот понедельник она написала в моей тетради в конце выполненного задания своими витиеватыми буквами: «Зайдешь пообщаться после уроков?» Этот вопрос меня напугал: она узнала о моем прошлом? Поговорила с кем-то? Теперь она тоже считает меня сумасшедшей? Остаток дня я провела с тяжелым сердцем, и все внутри у меня дрожало.

Открыв дверь ее кабинета, я была уверена, что будут проблемы, что я снова разочаровала кого-то из взрослых. Она оказалась не одна. Из-за большого количества предметов учителям

приходилось делить кабинеты друг с другом, и мне показалось, я узнала мужчину, сидящего рядом с ней – еще один новый учительанглийского. Я видела его до этого в коридорах.

Мисс Кроикс жестом подозвала меня к своему большому деревянному столу. Другой учитель был высоким, широкоплечим, сидел, склонившись над столом.

– А вот и юная леди, о которой я говорила. Элиссон, – сказала она ему. – Элиссон, это мистер Норт.

Точно. Он. Когда ты мало разговариваешь, то много чего слышишь – девчонки считали его *горячим*. Его темные волосы достаточно длинные, чтобы убрать за уши, однако достаточно короткие, чтобы быть приемлемой длиной для взрослого. У него настоящая щетина, не каждый старшеклассник мог похвастаться таковой, и он презирал правило, согласно которому учителя должны носить галстуки. Я заметила, что на боковом кармане его рубашки вышит крошечный лось – он одевался в Abercrombie&Fitch¹, как студенты. Смешанные сигналы взрослого мужчины и молодого парня наполняли пространство, делая все вокруг густым, тихим и мягким. Мы встретились взглядом, и я почувствовала себя олененком, пойманным врасплох на лугу. Дыхание сперло, и внутри все сжалось. Он был той самой практически идеальной смесью дозволенного и запретного, идеальный подростковый леденец.

Мистер Норт протянул мне руку. Я моргнула, выдохнула и пожала его руку крепко, как меня учила мать. Когда наши ладони соприкоснулись, меня наполнило необычное чувство, словно электрический ток замкнулся в цепи, все во мне внезапно ожило.

– О, – сказал он, впечатленный или удивленный моим рукопожатием, или по крайней мере притворяющийся таковым.

На моем лице по-прежнему читался немой вопрос. Мисс Кроикс объяснила ему:

– Элиссон очень одаренная в писательстве, и я подумала, ей не помешает помощь помимо моих занятий. – Затем она обратилась ко мне: – Мистер Норт тоже пишет, он согласился заниматься с тобой после уроков.

Учитель начал рассказывать о своем прошлом – университеты Колумбии и Корнелла – и о том, что мы можем встретиться здесь же завтра после уроков, мне нужно лишь принести новую тетрадь, для нас двоих. Он продолжал улыбаться. Но я не могла перестать прокручивать слова мисс Кроикс в своей голове – она назвала меня *одаренной*. Она считала меня талантливой. Достаточно талантливой, чтобы я заслуживала что-то – заслуживала мистера Норта в качестве *подарка*. Я заметила, что смотрю на мистера Норта, пока он смотрит на меня, и что-то во мне медленно расцветает.

Мистер Норт положил руку мне на плечо. Приду ли я завтра встретиться с ним? Он хотел со мной встретиться. Я услышала, как говорю: «Да».

3

Проблема принцесс в том, что они редко занимают активную позицию в своей собственной жизни. Что-то случается с принцессой, а она просто говорит «да». Иногда ей даже не приходится ничего говорить, ее принц просто появляется и готов действовать. Он знает, что ей нужно, может, даже лучше, чем она сама.

Пассивных принцесс в сказках огромное множество – они всегда попадают в неприятности и встречают на своем пути мужчину, который должен потрудиться, чтобы их спасти. Самый типичный пример – Спящая Красавица: прекрасная девушка, оказавшаяся в ловушке во сне, и чтобы разбудить ее, требуется поцелуй истинной любви. И конечно, нельзя забывать другую классическую героиню Диснея, Белоснежку, которую также спасают от смертельного сна губы ее принца.

¹ Американская сеть магазинов дорогой брендовой одежды.

У меня были собственные проблемы со сном.

Моя бессонница вела себя хитро. Иногда случалось так: я просто читала и продолжала читать. Начиная рисовать новую картину, использовала водные краски и лак для ногтей на канве, которую купила в ремесленном магазинчике, где подрабатывала по выходным. Или начинала вырезать что-нибудь из журналов *Seventeen* или *Sassy*, задумав новую идею для коллажа, и продолжала вырезать, перекладывая детали, размазывать фиолетовый клей и наблюдать, как тот становится прозрачным на ватмане, а потом слышала, как начинают щебетать птицы. Такое происходило случайно. Худшими, однако, были ночи, когда я лежала в кровати, в темноте, и просто не могла уснуть до рассвета.

У меня была маленькая комната: односпальная кровать, деревянный письменный стол моего дедушки, собственный телефон с автоответчиком и книжный шкаф, забитый доверху книгами. Стены я обклеила словами и картинками, которые вырезала. В углу гудела батарея лавандового цвета. Мой будильник редко мне помогал. Иногда мама звонила, когда приезжала на работу, около девяти или десяти утра, чтобы проверить, проснулась ли я, и повторяла мое имя на автоответчике, пока я не возьму трубку: «Эли? Эли? Это твоя мамуля...» Эта странная песня просачивалась в мои сны. Чаще всего я просыпалась в пустом доме.

Так было и тем утром в начале учебного года. Почти всегда я опаздывала в школу. Входные двери автоматически закрывались после звонка, и тогда приходилось разговаривать с женщинами на вахте, чтобы получить разрешение попасть на урок. Обычно в 7:20 утра меня не было в классе, и учитель отмечал меня как отсутствующую. Однако прошло всего несколько недель, и секретарь в учительской начала закатывать глаза при виде меня, выпрашивающей ручку, чтобы добавить свое имя в список опоздавших, даже если я опаздывала всего на несколько минут. И особенно, если я приходила ближе к обеду.

На тот момент мне казалось, все уже смирились с этим. Мои родители устали разочаровываться и тратить на меня свои эмоции, которые не получали добродушных ответов, и единственное, что у меня осталось, это своего рода смиренность в этой ситуации. Приду я в школу или не приду. Мне уже семнадцать. Это мои проблемы. Меня уже не нужно подвозить. У меня был автомобиль, такого же возраста, как и я. Я накопила шестьсот долларов, чтобы купить его, складывая деньги, заработанные тем, что резала ткань в ремесленном магазине и подрабатывала няней летом. Бензин обычно стоил всего один доллар за галлон², и я должна была возить домой младшую сестру Лорен после ее дневных занятий в бассейне. Мои провалы и неудачи были моей заботой.

У меня сложились необычные отношения с большинством учителей в том году. Помимо мисс Кроикс и мистера Норта, остальные учителя в школе Хант Хай обо мне были невысокого мнения. В моем личном деле указывалось о моей психологической нестабильности и систематичных опозданиях, часто в моем табеле успеваемости мелькали двойки, в рекомендациях по обучению детально расписывалось, что мне нужно особое внимание, а также исключения и исключения – все это предоставляли учителям еще до того, как я успевала зайти в класс. Не самое приятное знакомство. Вспоминая все сейчас, я понимаю, что такое отношение было создано, чтобы помочь мне. Учителя не стремились к тому, чтобы я чувствовала себя никчемной. Но в итоге я лишь опускала голову, входя и выходя из класса, чувствуя себя изгоем с каждым шагом.

Другие ученики продолжали говорить гадости обо мне, не всегда утруждаясь понизить голос до шепота или передавая записки с моим именем, которые «случайно» оказывались у меня на парте и у меня в руках. Ребята становились жестокими.

«Думаешь, она придет завтра? Напиши “да” или “нет”».

«Да она просто сбежала из дома в прошлом году».

² Один галлон равен 3,78 л.

«Она психованная».

«Она и с этим парнем спала???»

Слухи искажали правду: я спала со всеми тремя парнями, с которыми у меня были серьезные отношения в школе. Я резала вены. Постоянно ходила по разным психологам и пила кучу психотропных таблеток еще со времен средних классов. А еще я была на электросудорожной терапии, ЭСТ, одним летом, когда несколько месяцев провела практически не выходя из дома. Вряд ли можно назвать ее магией, но это сработало. Я одевалась и выходила на солнечный свет. Больше не была в ловушке сна. И этого оказалось достаточно.

Однажды я и правда сбежала из дома, всего на одну ночь. Не помню, из-за чего так поссорилась с родителями, что спонтанно решила убежать и провести целую ночь, катаясь в машине какого-то парня. Не помню даже его имени. Мне было шестнадцать, стояла зима; спать в машине было слишком холодно, поэтому мы ездили и ездили. Альбом *Mellon Collie and the Infinite Sadness* группы The Smashing Pumpkins был нашим саундтреком в темноте, фары автомобиля – единственным светом.

И еще правда то, что я исчезла из школы на девятом году обучения. После начальных и средних классов, которые я с трудом преодолела, руководство школы посоветовало мне не возвращаться на следующий год, а сдать экзамены в вечерней школе. Моя мать уже не так вежливо посоветовала им в ответ перечитать законы, касающиеся учеников с нарушениями здоровья (к восьмому классу у меня уже диагностировали депрессию, склонность к самоповреждениям и подростковую бессонницу). В итоге было решено, что я буду посещать Пайнкрест, маленькую терапевтическую школу, которую мама нашла и за которую вынудила платить школьный округ.

В конце девятого класса в Пайнкресте мой терапевт, классный руководитель и заместитель директора школы собрались вместе с моей матерью за огромным столом, который, видимо, стоял специально для подобных встреч. Такие собрания были обычным делом в моей жизни. Заместитель директора открыл мое личное дело – тонкое, почти что пустое – и меня поставили перед выбором: в одном случае я могла остаться в Пайнкресте и окончить школу по их программе. Я была образцовой ученицей. У меня были отличные оценки по всем предметам. Я даже могла учить французский.

После обеда продолжалась групповая терапия. Однажды я увидела там мальчика, которого связали трое сотрудников, потому что у него случился нервный срыв и он начал кричать всякие гадости в коридоре. Что касается меня, я просто не понимала, почему не могу почувствовать себя счастливой и приходить в школу вовремя. К тому моменту я уже почти перестала себя резать. По стандартам Пайнкреста я была историей успеха. В моем аттестате все равно было бы написано «Школа Хант Хай», где я и должна была учиться, и по закону в заявлениях на поступление в колледж не должно было быть никакого упоминания о моих психологических проблемах. Никто не узнал бы правду.

В другом случае я могла вернуться в школу Хант. Тогда у меня был бы еще один шанс вести нормальную подростковую жизнь, я смогла бы стать нормальной девочкой-подростком, обычной, скучной. Как же я хотела быть скучной. Что угодно казалось лучше, чем драмы, связанные с моей депрессией и резкими перепадами настроения.

– Я хочу обратно в Хант, – сказала я и сделала этот выбор, сама не осознавая, что вскоре встречу с тем самым учителем.

Мне бы хотелось вернуться в прошлое и поменять решение. Иногда я задумываюсь, существует ли судьба на самом деле, предопределено ли что-то заранее, суждено ли женщинам страдать.

Иногда мы сами делаем подобный выбор – Пандора сама открыла ящик, в котором заточены смерть и невзгоды; несмотря на то, что это была ловушка, несмотря на то, что она не знала, что произойдет, именно ее руки вскрыли замок. Как и в «Русалочке» (в оригинальной версии, а не в диснеевской сказке), та сама приняла решение выпить зелье морской ведьмы,

которое подарило ей ноги, позволило танцевать и заполучить принца вместо волн, однако каждый ее шаг причинял такую боль, словно острый нож каждый раз впивался в ее тело. В оригинальной истории все то время, пока морская нимфа влюблялась, ее ноги истекали кровью от невидимых магических кинжалов. Даже принятие самого зелья причинило ей боль, сравнимую с пронзающим тело мечом. Тем не менее, это ее выбор. Она так захотела. Каждый шаг сделан по ее воле.

Кажется, неважно, активно ли или пассивно ведет себя девушка, она обречена.

До того как вернуться в школу Хант Хай и встретить мистера Норта, я никогда не читала Набокова. Лишь вскользь слышала о «Лолите» – сексуальная девочка, которая охмуряет мужчин и расплачивается за это. Я не знала, что Набоков считают классиком, что он писал научные труды и вел лекции на сложные темы, затрагивающие старину и уроки, которые каждый из нас должен усвоить. Не знала, что мифы, которым более тысячи лет, были переработаны в его произведениях, и не знала, как все это необратимым образом изменит мою жизнь. Я ничего не знала об этом в свои семнадцать. Знала лишь, что хочу проснуться и забыть о годах, проведенных в грусти и одиночестве, стать нормальной. Хотела вернуться в свою школу.

4

В выпускном классе школы Хант Хай обязали принять меня обратно. Мне полагалось видеться со школьным психологом, миссис Миллер, каждую неделю. У нее были короткие седые волосы, которые сочетались с ее серыми костюмами, и она всегда вспоминается мне в черно-белом цвете. Ее кабинет находится в отдельном крыле школы, далеко от учительской. Я честно посещала ее по крайней мере раз в неделю, как и должна, в отведенное на самостоятельную работу время.

Стоял конец сентября. Я виделась с мистером Нортом уже некоторое время, раз или два в неделю после школы. Пока еще я не писала *ему*, а только *для* него. Неважно, высыпалась я или нет, но все равно обязательно приходила в школу, чтобы увидеться с ним, а затем чтобы отвезти свою младшую сестру домой после тренировки. Однако моя посещаемость все равно была далека от совершенства.

Он никогда не делал замечания по поводу моих опозданий. Не задавал вопросы. Просто сидел рядом со мной за своим столом, и мы вместе писали. Затем менялись тетрадями, подчеркивали и обводили фразы, которые нравятся нам больше всего. Однажды, пока он ждал, когда я закончу читать (он писал быстрее и куда больше меня), он вытащил белую коробку с красно-белой лентой пекарни. Начал есть итальянское печенье, и сладкий сахарный аромат наполнил кабинет. Я отложила карандаш.

– Можно мне одно?

– Ты закончила? – его взгляд скользнул к бумагам у меня под рукой.

Я поджала губы и вздохнула, снова взявшись за дело. Услышала, как он смеется. Затем он положил руку на мое запястье, осторожно, точно держит что-то хрупкое. Он не взглянул на меня, а лишь обернул ленту вокруг моего запястья и завязал. Я наблюдала за его пальцами, волосы на его руке светились в лучах полуденного солнца. Входная дверь распахнулась...

– Привет, сестренка. Мы можем поехать домой сейчас? – Лорен вошла в кабинет. Было поздно, я потеряла счет времени. Я схватила свое сочинение, сунула его в сумку и поспешила на выход, на бегу попрощавшись с мистером Нортом.

Сидя в машине, Лорен барабанила пальцами по двери, спокойный дневной бриз задувал сквозь открытые окна.

– Он клевый, Эли, – она не глядела на меня. Я почувствовала, как заливаюсь румянцем.

Держа руль одной рукой, другой я поправила волосы, перекинув несколько прядей через плечо, чтобы скрыть от нее лицо. Посмотрела на свой новый браслет.

– Ага, точно, – сказала я и включила радио. – Как прошла тренировка по теннису? – тему об учителе мы опустили, и день продолжился как ни в чем не бывало.

* * *

Несколько дней спустя миссис Миллер прямо посреди урока попросила меня зайти к ней. Наши встречи, как правило, проводились по пятницам после занятий, когда неделя пролетала, как говорила она. Однако это не была стандартная встреча. Я сидела напротив нее за еще одним огромным деревянным столом. Большое окно без штор за ее спиной выходило на школьную парковку.

– Мы со всем разберемся, Элиссон, – она всегда была позитивной. Даже не принесла мое досье на нашу встречу, что приятно. – Что мешает тебе приходить на уроки с утра? Мистер Уиллиамс не обрадовался, что ты пропустила латинский.

В школе был лишь один учитель латинского языка. Когда я была новенькой, мистер Уиллиамс симпатизировал мне. Я посещала курсы латинского и этимологии во время летней подготовительной программы в прошлом году и с легкостью научилась спрягать сложные глаголы. Он ставил меня в пары с учениками, которым это давалось с трудом, и в такие моменты я чувствовала себя его союзником, а не заучкой. Мне нравилось, как изменяются глаголы, нравились мифы и картины древности, нравилось, как предзнаменования богов переплетались с повседневной жизнью. Если смотреть достаточно пристально, можно найти ответ по небесным очертаниям или увидеть, как звезда падает с ночного неба прямо в руки. Мне хотелось достичь подобного озарения. Хотелось много чего, о чем мечтают девочки в подростковом возрасте.

Однако вот как прошел урок латинского в первый день моего возвращения в школу несколькими неделями ранее.

Я заняла парту на заднем ряду, когда прозвенел звонок, оповещающий о начале урока. Узнала некоторых учеников, но все проходили мимо. Кое-кто глядел на меня невидящим взглядом и продолжал общаться со своими друзьями.

Мистер Уиллиамс поднялся из-за стола и начал стандартное приветствие, как только третий, финальный, звонок прозвенел. Его имя было написано на доске, он поприветствовал нас на латинском: «*Salve, Seniors!*» В ответ на что ученики заворчали, вспомнив, что в школе полагается учиться. Он начал называть наши имена по одному из списка, рассаживая всех в случайном, казалось бы, порядке, а не по алфавиту, как делало большинство учителей. Я освободила свою парту, так как она оказалась занята, и встала в конце кабинета, ожидая, пока прозвучит мое имя.

Он предупредил, чтобы мы запомнили свои места до конца учебного года, также на латинском: «*Caveat!*»³, – а затем начал писать номера страниц на доске.

Я оказалась за партой у батареи рядом с окном. Батарея была отключена, так как стоял август. Но дело было не в этом. Я подняла руку, обратившись к нему с конца класса:

– Мистер Уиллиамс? – сказала я. – Думаю, вы меня пропустили.

Он обернулся и посмотрел на меня, задумчиво нахмурившись.

– Нет, Элиссон, думаю, нам для начала стоит посмотреть, как пойдет год, – сказал он. Он меня помнил. – А пока можешь сесть на заднем ряду.

Класс, полный подростков, затих. Более двадцати пар глаз устремились на меня, но никто ничего не сказал, когда я села за заднюю парту. Я слышала, как тикают часы на стене. Он начал занятие. Я вытащила только заточенный карандаш и старательно записала почти все, что он рассказывал следующие сорок четыре минуты. Наконец звонок прозвенел снова, урок закончился. Более двадцати подростков поспешили в коридор. Я перелистала тетрадь, открыв

³ «Предупреждение» с лат.

первую страницу, и на внутренней стороне обложки написала аккуратными буквами: «Этот год будет другим. Я докажу ему. Докажу всем».

Та тетрадь лежала в моем рюкзаке, когда миссис Миллер спросила опять:

– Что не так?

Я перевела взгляд на автомобили за окном у нее за спиной, в тот день шел дождь, тумана или чего-то подобного не было, но все выглядело как-то смазанно. Цвета казались тусклыми, а не такими, как бывает во время весеннего дождя. Стояла осень. Коричневые, желтые и красные оттенки, даже дождь был таким. Повсюду мокрые листья. Мистер Уиллиамс едва ли меня замечал, даже когда я приходила в класс и занимала не закрепленное за мной место вовремя. Секретари по посещаемости вздыхали, когда видели меня в учительской. Обычно я пропускала обед и просто бродила по коридорам, потому что мне не с кем было сидеть и не хотелось привлекать внимания больше, чем привлекало мое существование как таковое.

И вдруг я начала рыдать. Ненавидела рыдать перед людьми. Я плакала так часто и так долго, что уже устала от своих слез и от того, как люди просто таращатся в такие моменты или начинают слишком быстро говорить, и всегда – пытаются прикоснуться, будто именно мое плечо вызывает боль. Но я не могла ничего с собой поделать все те годы, когда мне постоянно хотелось умереть, не могла ничего с собой поделать и в тот день.

Миссис Миллер не стала задавать вопросы быстрее, не стала вторгаться в мое личное печальное пространство. Она поставила передо мной упаковку салфеток Kleenex и поднялась из-за стола, чтобы заглянуть в одну из своих книг на полке, оставив меня наедине с салфетками. Когда я проплакалась и сидела, просто шмыгая носом, она вернулась к столу. Спросила, готова ли я продолжить разговор. Я рассказала ей о секретарях в учительской, о том, что не понимаю, что делаю не так на уроках латинского (ведь выполняла все домашние задания и всегда хорошо отвечала на вопросы тестов), рассказала о том, что считаю обеденный перерыв глупым. Она кивала и что-то записывала в свой желтый блокнот, который лежал на столе.

– Хорошо, Элиссон. Давай посмотрим, что мы можем сделать.

В течение следующей недели у меня появилась новая привычка по утрам: мне больше не нужно было забегать в учительскую, если я опаздывала. Вместо этого я подходила к окну миссис Миллер и трижды стучала. Встав на цыпочки, я как раз доставала костяшками пальцев до стекла. Она стучала в ответ. Затем она встречала меня у бокового входа ее крыла и впускала меня и сама докладывала о моих опозданиях секретарям. Если она была на встрече или занята чем-то и не могла постучать в ответ, мне просто нужно было постучать в соседнее окно, все школьные консультанты знали, в чем дело. Я здоровалась, рассказывала, как спала или не спала, и мне выписывали справку, чтобы я могла пойти на уроки. Теперь официально все было официально.

У меня появилась закрепленная за мной парта на уроках латинского. По-прежнему в конце класса, но зато моя.

На той же неделе мистер Норт впервые увидел меня, бродившую по коридорам. Махнул рукой, спросил справку, которой у меня не было, но вместо того, чтобы отправлять к директору, просто отшутился. Затем мы встретились на следующий день. И на следующий, и тогда он уже спросил меня, где мне полагается быть.

– На обеде, – сказала я, перевешивая рюкзак с одного плеча на другое.

– Разве ты не голодна? – спросил он, и я прислонилась плечом к шкафчикам, пока мы разговаривали. Пыталась не смотреть ему в глаза.

– Единственное съедобное там блюдо, – я наморщила нос, – это картошка фри.

Он засмеялся. Его рука коснулась моего плеча, мои глаза тут же скользнули к месту этого прикосновения, и тот же оживляющий электрический разряд пронесся по моему телу. Он предложил встретиться позже в столовой (следил за порядком там на четвертой перемене), ведь нам все равно нужно было обсудить стихотворение, которое я дала ему вчера.

– Будешь ли ты так любезна составить мне компанию? – он сделал театральный поклон, коснувшись невидимой шляпы, и я улыбнулась впервые в тот день. Он сказал, что просто хочет, чтобы я съела свой картофель фри. Ну а чего еще мог он хотеть?

5

Мне всегда хотелось быть кем-то другим. Кем угодно. Я ненавидела себя и свою жизнь, иногда смотрела на своего кота и мечтала стать им. Мечтала дремать всю свою жизнь, а не зарываться головой в подушку, когда звенит будильник, мечтала об усах и когтях вместо шрамов и секретов. Поэтому, неудивительно, я хотела стать актрисой. Где весь смысл заключался в том, чтобы быть совершенно другим человеком.

С тех самых пор, как я сыграла свою дебютную роль говорящего жевуна в постановке «Волшебника страны Оз» в начальной школе и добилась ошеломительного успеха, если такую роль можно вообще назвать успехом, я знала, что у меня есть все, что нужно, чтобы выступать на сцене. Я несколько раз играла в шекспировских пьесах в средних классах, блистала в роли второй ведьмы в «Макбете» и в роли Гермии в «Сне в летнюю ночь», а также радовалась роли безымянных девиц в разных романтических комедиях времен королевы Елизаветы. Поэтому, когда в школе Хант анонсировали осеннюю пьесу, я записалась на прослушивание одной из первых. Как и раньше, я знала, что учителя помогают с постановкой.

Мистер Норт очень заинтересовался моим интересом к пьесе. Он предложил помочь с подготовкой к прослушиванию неделей раньше, а это значило немало, ведь он был помощником режиссера. Если раньше мы встречались, чтобы вместе писать или, скорее, просто общаться, то теперь я проводила время, заучивая слова, а он подсказывал мне, как выражать свои чувства с помощью рук. Наши полуденные встречи превратились в занятия «верю – не верю».

Он объяснил мне, что больше не уделяет никому из учеников такого внимания. Просто я хотела получить роль, а он хотел помочь. Мне повезло.

Я решила подготовить для прослушивания монолог Эмили из пьесы «Наш городок», где речь шла о прощании с миром, печальных взглядах и местечке под названием Гроверс-Корнерс. Он наблюдал, как я выступаю в его классе для одного зрителя, уже выучив все как профессионал. Все это время он писал, то поднимая, то опуская взгляд на тетрадь. Под конец монолога у меня на глазах выступили настоящие слезы.

– Ну как? – спросила я.

Он кашлянул и протянул мне то, что писал – такого никогда не было прежде. Я никогда до этого не читала то, что он написал. Я была воодушевлена и взволнованна, а потом начала читать. Он полностью поменял мое выступление, написал целых две страницы замечаний:

Большие искренности, на все... указать на себя на «посмотри на меня»... Подсолнухи – пантомима, нюхать цветок, «О, земля» – зачерпнуть горсть, высыпать – обращаться к аудитории.

Я знала, что он разбирается лучше меня. Поэтому сделала все, чтобы заглушить свои инстинкты. Его заметки были детальными, а я все делала неправильно. Тогда, в те дни в его кабинете, мне казалось, он режиссирует *меня*, а не Эмили Уэбб.

На выдохе [сценическая ремарка]

Собраться

Встать

Отмахнуться

Выглядеть уверенно

Казалось, ему хочется видеть меня такой не только на сцене. Как будто это были указания для моей жизни: «Тебе нелегко, но ты можешь встать, собраться и выглядеть уверенной в своих действиях». Никто в моей жизни не верил, что я на такое способна.

В последнюю нашу репетицию он встал и похлопал мне.

– Это было прекрасно, Эли, – он стал называть меня Эли. – Ты справилась.

– Спасибо, – сказала я, заламывая руки. – Считаете, мистеру Улману понравится?

Мистер Улман был не только режиссером школьной постановки, но и преподавателем сценического мастерства, а также моим любимым учителем английского. Иногда, когда я импровизировала на уроках, он поворачивался к аудитории и говорил, какие правильные решения я принимаю на сцене. Я знала, это значит, я ему нравлюсь. Иногда на уроках английского, когда он спрашивал меня, я понимала, что ответила правильно, потому что его кивок и едва заметная улыбка подсказывали мне это. Однако если я опаздывала на какой-то из уроков, он вздыхал достаточно громко, чтобы я услышала. Если я пропускала урок совсем, мистер Улман смотрел мне между глаз, когда я спрашивала домашнее задание, и говорил, не останавливаясь, пока я пыталась все записать.

– Я буду бороться за тебя. Ты этого заслужила, – заверил меня мистер Норт. – Он мне доверяет. Я ни разу его не подводил. – Мистер Улман был и его преподавателем сценического мастерства и учителем английского десять лет назад, когда мистер Норт сам еще учился в Хант. Он развлекал меня историями о своей звездной роли Иисуса в постановке «Иисус Христос – суперзвезда» и о том, как отлично он сыграл. Я не сомневалась.

Я повторила свой монолог вслух еще раз, пока ехала домой. Лорен следила по тексту и поправляла меня, если я ошибалась.

На следующий день состоялось грандиозное прослушивание. А затем второй этап, где были я и другая девушка, Кристина – она была более молода, но не менее талантлива, и я это знала. На этот раз мы должны были прочесть монологи сценария «Пожнешь бурю». Там лишь одна женская роль, Рейчел. Учитель шепнул мне, когда я заходила в актовый зал, намекая на предысторию моей героини и ее мотивацию:

– Ею легко манипулировать. – Я кивнула в ответ.

Я пыталась придумать, как показать способы манипуляции при чтении всего нескольких строк – стоит заплакать? А затем перестать? Притвориться, что не знаю, куда деть руки? – но так ничего и не придумала.

Кристина выступила. Моя очередь. Я решила попробовать заплакать и посмотреть, поможет ли мне получить роль выдуманное страдание. Заплакать на сцене легко – мне и так хотелось плакать почти что всегда, так что нужно лишь выплакать норму за день, показав это всем. От вымышленной боли, однако, легче не становилось. Просто другим сложнее игнорировать слезы.

На следующий день на школьной доске объявлений появился список артистов: я получила роль. Я взвизгнула и побежала искать учителя, чтобы сообщить ему – вон он, ждет меня.

– Хотел сам тебе рассказать, – произнес он. – Я убедил мистера Урмана, что ты справишься. Он протянул руку и коснулся моей руки. Наша кожа соприкоснулась. Я широко распахнула глаза, уставившись на него.

Меня внезапно поглотило желание поцеловать его. Будто молния в мыслях – картинка в голове, как я тянусь, вставая на цыпочки, и прижимаюсь своими губами к его губам. Сердце застучало в горле. Я слегка тряхнула головой, кашлянула и поблагодарила его. Неожиданно стало жарко, и я покрылась мурашками. Я знала, что получила роль благодаря ему, потому что он поручился за меня, рискнув ради меня. Кажется, давно никто не делал ничего подобного. Кажется, появился мой принц.

6

События развивались быстро. К концу октября мы с мистером Нормом проводили время наедине почти каждый день после школы: либо сразу после занятий, либо поздно вечером. Иногда и то и другое. У него теперь не всегда было время, чтобы читать мои тексты после уроков, так как шли репетиции пьесы, поэтому мы стали встречаться поздно вечером в закусочной и обсуждать мое творчество. Он читал мои дневные записи, пока я по кусочку ела картофель фри и пила теплый кофе.

Иногда, собираясь на встречу с ним, я говорила родителям, что работаю вечером и, придя домой, тут же уходила, часами бесцельно катаясь на машине, прежде чем отправиться в закусочную. Мать все равно не знала мое расписание. Иногда я говорила, что встречаюсь с друзьями, с кем-то, с кем на самом деле не общалась уже несколько месяцев. Или же говорила, что отправляюсь куда-нибудь, чтобы сделать домашнее задание. Не думаю, что умела хорошо врать. Но не спрашивала, почему ко мне нет вопросов. Была рада уйти из дома.

* * *

Я начала писать мистеру Норму напрямую, используя местоимение «ты» на страницах своей тетради. Он сказал мне, что второе лицо делает записи личными, даже интимными. В конце концов, разве я пишу не ему, когда мы вместе? Встречи тоже становились более частыми – он разрешал мне заходить в его класс, даже когда у него были уроки, таким образом он мог быть уверен, что я полностью посвящаю себя писательству. Ему.

Даже на уроках мисс Кройкс в своей официальной тетради для сочинений, которую она проверяла каждые выходные и где мне приходилось быть вдумчивой и предусмотрительной, я, сама не замечая того, писала о нем.

Для данного в классе задания я написала:

Восьмое октября, «Десять пунктов, которые делают меня счастливой»:

1. Мои коты – Сампсон, Джордж и Лилли.
2. Роль, которую мечтала получить в постановке.
3. Отправиться на ужин и провести там время.

Я ничего не могла с этим поделать – он делал меня счастливой. Какой я не была уже очень давно.

Наши внешкольные встречи начались случайно, мы столкнулись друг с другом в местной кофейне. Сидели за соседними столиками. Тогда, во время подготовки к пьесе, встречи в закусочной были вполне уместными. План появился во время одной из бесед, когда он начал складывать свои записные книжки в портфель в пустом кабинете.

– Ну что ж, мы много чего обсудили относительно монолога сегодня, но не успели поговорить о твоём писательстве. – Ещё одна книжка погрузилась в портфель. – Скорее всего, вечером я захочу картофель фри с сыром, – сказал он, и я знала, это означает, он пойдёт в закусочную.

Пока мы шли по пустому коридору, похоже, оставшись вдвоем во всей школе, он продолжил:

– Мне не нравится закусочная «Блю Скай», там полно подростков. Ты бывала в «Олимпиаде»?

Я ответила, что да. Вернулась домой, поправила макияж, поужинала с мамой и сестрой и снова ушла, прихватив тетрадь. Уже стоя на пороге, крикнула на прощание, что пошла позаниматься с кем-то.

Пришла туда к семи вечера. Заняла столик в углу напротив двери. Заказала кофе. Еще один. И еще. У меня дрожали руки, когда я прихлебывала свой горячий горький напиток. А потом он пришел и направился прямо ко мне.

– Какое совпадение, верно? – сказал он, когда наши глаза встретились. Какая неожиданность.

Затем он начал приглашать меня на настоящие встречи. На уроках, когда ученики должны были что-то читать, он писал следующее задание на доске. Сказал мне заранее, что как только заканчивает звенеть звонок, оповещающий о начале урока, я должна быть внимательной. Он встречал мой взгляд, писал цифру девять на доске, обводил и стирал. Концентрация, с которой я смотрела на него, вызывала у меня дрожь, я наблюдала и ждала, когда появятся знаки. Знала его язык.

Я всегда, всегда приходила вовремя. Но иногда он приходил позже, чем планировал, или ему приходилось приносить с собой тетради для проверки, и нам не удавалось особо пообщаться. Порой я помогала ему оценивать работы, читала сочинения учеников и говорила, какую оценку они, по моему мнению, заслуживают. Обычно он соглашался.

– Однажды ты станешь отличным учителем, Эли, – улыбался он.

Мы обменивались записками через стол, будто бы сидели в чужом классе. Иногда мы вместе писали стихи, по очереди строчку за строчкой. Он обводил фразы, которые ему нравились, я переписывала их в свою тетрадь, так как знала, что не могу оставить себе что-либо, что мы написали. «Тайна делает все особенным», – написал он на салфетке, синие чернила растеклись в том месте, где он почеркнул слово «особенным». Я кивала, потому что знала, чем он рискует ради меня: своей работой. Я начала писать в своей тетради для творчества, снова и снова: «Я не стану причиной его увольнения. Я не стану причиной его увольнения».

Мисс Кроикс продолжала собирать тетради каждые несколько недель на своих уроках до конца года. Не знаю, что она подумала, увидев это или увидев что-то еще из того, что я писала. Не знаю, что бы я ответила, если бы она спросила. У меня остались лишь мои воспоминания и мои тетради, чтобы узнать, о чем я тогда думала: «Я не стану причиной его увольнения». Иногда даже подчеркивала. Я была уверена в этом.

7

Я не знала об этом эпизоде:

Ходила на терапию каждую неделю, ехать было почти час. Обычно мама отвозила меня. Мы играли в «Ударь Жука»⁴ по дороге, как раз недавно вышла обновленная версия автомобиля «Фольксваген Жук», и именно такая была у матери. Наш счет велся на сотни, и я обычно выигрывала. Кажется, я замечала яркие цвета быстрее.

Я не рассказывала психологу об учителе. Если и упоминала его, только так же, как и в разговорах с миссис Миллер в школе: он хороший, проводит со мной время, я считаю его умным. Может, порой я краснела, но никогда не рассказывала, что происходило на самом деле. Во время сеансов я ковыряла лак на ногтях, предпочитала черный или блестящий синий, наблюдая, как кусочки падают на ковер у края дивана. Наверное, она собирала их каждый раз, когда я уходила. В то время я об этом не задумывалась. Мне просто нужно было занять чем-то руки.

После моего пятидесятиминутного сеанса мама заходила в кабинет и несколько минут общалась с психологом. Не нарушала конфиденциальность наших бесед, лишь узнавала, все ли хорошо. Иногда я тоже присутствовала в такие моменты.

⁴ *Punch Buggy* (англ.) – автомобильная игра, по правилам которой участники ударяют друг друга по руке при виде автомобиля «Фольксваген Жук» со словами: «Ударь Жука!»

Однажды, ранней осенью, во время такой беседы после моего сеанса мать упомянула, что я допоздна гуляю и скрываю о том, с кем провожу время, и что она не знает, что с этим делать. В конце концов, я ведь просыпаюсь, чтобы прийти в школу. У меня больше нет суицидальных наклонностей. Все, кажется, становится лучше.

Я легко могу представить, как мой психолог снимает очки и потирает переносицу. Так она часто делала перед тем, как заговорить после выслушивания долгой речи.

– Дженис, просто позволь ей быть подростком. Думаешь, ей что-то угрожает?

Мать сказала, что не думает так. И они согласились оставить этот вопрос в покое. Если появится реальная проблема, они с этим разберутся. Сейчас же, сказала она моей матери, дай ей передышку.

8

В старших классах я была красивой. Не знаю, почему в этом сложно признаться, но это так.

Признание в том, что я была привлекательной, будучи подростком, кажется постыдным, самый страшный секрет, что-то, что никогда нельзя признавать вслух. Тем не менее, любой, кто смотрел на фотографию меня семнадцатилетней, говорил то, что я говорю сейчас – чистая светлая кожа; большие голубые глаза; длинные, темные волосы; фигура в форме песочных часов. Если я нравилась парню, то, делая мне комплименты, он обязательно говорил, что я похожа на диснеевскую принцессу. (И это и правда было так, если бы принцессы носили джинсы и красили ногти в черный цвет.) Я смотрю на фотографии двадцатилетней давности, и мне все очевидно: я была симпатичной.

Быть симпатичной нелегко. Отрицать это – все равно что скрывать ложь, умалчивать что-то важное. Однако красота не делала меня более и менее уязвимой. Красота не спасла меня от суицидальных мыслей, когда мне было пятнадцать или шестнадцать, не уберегла меня от неправильных решений, связанных с тем, кому можно и нельзя доверять. Она не сделала меня более легкой добычей. Но возможно, она привлекала ко мне внимание.

В семнадцать я была жутко не уверенной в себе и считала, что меня невозможно полюбить, а также что лишь мое тело может быть источником моей силы. Я крепко держалась за эти два убеждения, по одному в каждой руке. Одно не умаляло другого. Я знала, что моим единственным шансом получить то, чего я хочу больше всего – быть замеченной, контролировать хоть какую-то часть своей жизни – посредством моей красоты.

Стояли ранние нулевые. Бритни Спирс уже спела *One more time*, Кристина Агилера разделилась на канате MTV, даже Фиона Эппл красовалась в нижнем белье в своих клипах. Магазины вроде Abercrombie&Fitch тысячами продавали короткие юбки в пригородных торговых центрах, таких, по одному из которых ходила я. Джинсы были с настолько низкой посадкой, что делать эпиляцию зоны бикини считалось необходимым, а бюстгальтеры с пуш-апом заполнили стенды Victoria's Secret. Обычная, закрывающая все, поношенная одежда – рубашки оверсайз, рваные джинсы, длинные юбки-клеш – больше не считались крутыми. Чтобы быть привлекательной, нужно было приложить усилия, но при этом скрывать их – подводка для век, блеск для губ, солярий – нельзя было *показывать*, что стараешься. Иначе выглядишь дрянной, смешной. Я никогда не хотела казаться такой.

Я знала, что учитель считает меня симпатичной. Знала. Знала, потому что видела, как он смотрит на меня после уроков, когда я сижу бок о бок с ним, но никогда не касаясь его, на углу его большого стола. Такая типичная школьная мебель, которая выглядит тяжелой и твердой, неподъемной. Я начала замечать, как его тело реагирует на мои жесты, словно магнит, работающий неправильно. Своего рода притяжение.

Он говорил комплименты по поводу моих нарядов, особенно если я надевала что-то из Abercrombie, а не большеватую рубашку, как обычно. Облегающие футболки выделяют мои «формы», говорил он. Меня бросало в дрожь, когда он говорил подобное, и я старалась следить за осанкой, чтобы казаться чуть выше, вытянуть шею и опустить плечи, чтобы мое тело выглядело как можно более женственно.

– Ты сегодня в хорошей форме, – шептал его голос, когда я входила в класс. На бумаге он продолжал говорить о том, как ему хочется узнать все эти формы, что ему следует повторить уроки геометрии, чтобы научиться. «И какую бы оценку ты получил, думаешь?» – отвечала я. Писал в ответ: «Я был отличником. Сходи, загляни в мое личное дело», – и подмигивал мне, протягивая мне записку.

Учитель делал комплименты по поводу моих духов, парфюм под названием «Египетская богиня», который я наносила за уши каждое утро.

– Приятно, Эли.

Если рядом был кто-то еще, то он называл меня мисс Вуд. Но наедине я была Эли. Иногда Алиса, как «Алиса в Стране чудес». Он удивлялся тому, что я не читала книгу, а лишь смотрела диснеевский мультфильм, что как следует не знала, в честь кого меня называли.

– Не думаю, что родители называли меня в честь Алисы в Стране чудес, – сказала я ему. Он не согласился, объяснив, как образуются современные имена и что все они связаны со старыми английскими именами. Так что, намеренно или нет, мои родители все-таки называли меня в честь Алисы. Точно так же, как его родители называли его в честь католического святого Ника. Так я начала называть его Ником, когда мы были наедине.

– О, – я крутила прядку волос и поджимала губы, смачивая свой блеск для губ. Я понятия не имела обо всех этих вещах. Думала, просто выбирают имя, которое нравится. Не задумывалась об их силе.

9

Я не знала, чем станет для меня колледж. Окончание школы все еще казалось чем-то далеким и неопределенным – планирование же следующего шага казалось просто фантазией. Как девчонка, я клеила знамена Гарвардского и Колумбийского университетов на стены своей спальни, раздумывала над преимуществами Школы искусств Тиш и Джульярдской школы искусств в Нью-Йорке. Провела лето, репетируя Шекспира для театральных прослушиваний, запоминая слова песен мюзиклов, повторяя шаги танцев на заднем дворе снова и снова, чтобы сделать все верно на сцене. Мечтала стать актрисой или адвокатом, чтобы заниматься творчеством и помогать детям, или писать романы, которые завоевывают много наград. Теперь я понимаю, что эти мечты не могли воплотиться в жизнь в ближайшее время. Мне просто хотелось пережить школу.

Я всегда хотела отправиться в колледж в Нью-Йорк. Жила достаточно близко, могла добраться на электричке до Бродвея, настоящих музеев и всех тех мест, где обитали артисты. Мои родители разрешили мне одной, без присмотра, посетить день открытых дверей в Школе изобразительных искусств на Манхэттене. Вместе с моим одноклассником по курсу писательского мастерства Дэвидом мы отправились в это маленькое путешествие. Прежде я бывала в Нью-Йорке не раз, но в тот день все ощущалось иначе, когда мы вышли из Центрального вокзала Нью-Йорка, рассматривая нарисованные на потолке вестибюля звезды, сели в метро, доехали до района Флэтайрон и отправились по улицам города. Купили кофе в маленькой кофейне под названием Insomniac. Большинство посетителей этого заведения было во фланелевых рубашках, в очках с темными оправами, и у каждого, возможно, на коленях книга и блокнот на столе.

Во время дня открытых дверей консультант показал несколько слайдов с примерами удачных и неудачных заявок на поступление – чем больше странности, тем лучше; мы с Дэвидом перешептывались, обсуждая линии и цвета, и что все они могут означать. Каково это, постоянно быть креативным. Женщина, администратор мероприятия, была в черном платье, черных колготках и черных ботинках, но в очках с черепаховой оправой и голубым лаком на ногтях. Цвет ее волос сочетался с цветом ногтей. Все ее слушали, записывая. Мне хотелось быть похожей на нее.

Мы вернулись воодушевленные – школу не особо волновали оценки, хотя они и имели значение, но главную роль все же играл потенциал человека как артиста, как творческой личности. В то время я состояла из чистого потенциала, и хотя рисование не было моей сильной чертой, я всегда делала много коллажей и раскрашивала. Те примеры, которые также показала на слайдах администратор, выглядели не так уж и хорошо – далеко не Рембрандт, но смысл заключался в том, чтобы что-то *рассказать*. Это я могла. Мне было что рассказать.

Я раздумывала, как могло бы выглядеть мое портфолио, как я могла бы проиллюстрировать некоторые свои стихи, добавив тем самым в них цвет. И продолжала следить, когда в школах Джульярда и Тиш будут прослушивания; может, я окажусь достаточно хороша, чтобы стать настоящей актрисой. Я знала, что мне нужно что-то новое, может, мне просто хотелось самой составлять свое расписание, поступить в один из тех колледжей, где нет специальностей и оценок. Думая об этом, я подала заявление в колледж Беннингтон и записалась на ночной тур. А также, подстраховавшись, подала заявку в Манхэттенвилл, пригородный маленький колледж, который скорее всего возьмет меня, несмотря на мою пеструю выписку от психологов, с моими высокими результатами экзаменов SAT⁵ (по крайней мере, по английскому) и вполне хорошим сочинением. В нем я написала о том, как справлялась с депрессией, написала и про электросудорожную терапию, и о том, что понимаю, что мои последние несколько лет не самые удачные, но теперь мне лучше, и я твердо намерена поменять свою жизнь, стать той, кем моя будущая альма-матер может гордиться.

Я рассказала мистеру Норту о своих планах. Он просто кивнул и предложил проверять мое сочинение.

– А ты думала про Итака? – спросил он. Начал рассказывать о своей учебе в университете Корнелла, находящемся в северной части Итака, в штате Нью-Йорк. Как там все красиво, как изменилась его жизнь, как ему посчастливилось отправиться в Оксфорд и изучать Чарльза Диккенса и что это было лучшим периодом в его жизни.

– Если честно, я не думаю, что смогу поступить в Корнелл, – сказала я. Рисовала бесконечные звездочки в своей тетради, пока разговаривала с ним. Накануне мы обсуждали произведения Шекспира и его влюбленных, чьи встречи были предначертаны звездами.

– Да, но, может, ты поступишь в колледж Итака, – предположил он. Сказал, что все самые красивые девушки Итака учатся там, что так все устроено: парни из Корнелла встречаются с девушками из Итака. – Я подумываю вернуться туда на следующий год, чтобы получить докторскую степень.

Моя ручка замерла. Я медленно встретила его взгляд.

– Да? – спросила я.

– Да, хочется чего-то большего, знаешь ли. Я не собираюсь вечно оставаться учителем.

Я прикусила губы изнутри. Должна была встретиться с миссис Миллер и уже почти что опаздывала, вот-вот должен был прозвенеть второй звонок.

– Ясно, – сказала я как можно более обыденно, собирая вещи в свой черный рюкзак. – Что ж, увидимся позже, – улыбнулась я ему, он махнул рукой.

⁵ Тест, по результатам которого принимают в высшие учебные заведения в США.

Я отправилась в кабинет миссис Миллер, который находился по соседству с директорской, обходным путем. Там висели цветные буклеты разных университетов со всей страны, от пола и почти до самого потолка стену украшали имена с фотографиями улыбающихся студентов и красивых видов. Я нашла колледж Итака. Взяла брошюру, проверила срок приема заявок. Еще успеваю.

10

«Лолита» появилась в моей жизни до первого снегопада. На деревьях еще висели листья, которые отчаянно сопротивлялись смене сезона года. Я была идеальной. Я была катастрофой. Позже он сказал, что я звала его. Была одной из песен Аннабель Эдгара По, одним из испытаний Одиссея, печальной, поющей, ищущей кого-то. Нуждающейся в том, чтобы кто-то, кто понимает, мне помог. Теперь я знаю это, вижу юную себя сквозь призму пространства и времени.

Теперь при мысли о тех временах и учителе мне вспоминается одно стихотворение, написанное Маргарет Этвуд. Когда мне было семнадцать, я никогда не слышала о Маргарет Этвуд. Только читала Сильвию Плат снова и снова, ее строки отзывались в моей жизни всюду.

Маргарет Этвуд написала: «Это одна из песен, которую каждый хочет послушать: песне этой невозможно противиться»⁶. Я была жадной в своей нужде, в своем одиночестве. Мне нужно было это, нужен был он. Я умоляла. Хотела научиться. Но все равно я честна в своей будущей печали по своему детскому телу. Мое тело непрестанно предавало меня: бедрами, менструацией, растяжками на груди, точно нарисованными фиолетовым фломастером, – все те атрибуты, которые влияли на мужчин, глядящих в мою сторону. Если в этом и была сила, не уверена, что она стоила того. Мне хотелось безопасности, что присуща детству, и силы, что присуща женскому полу. Мне хотелось всего сразу и в своей жизни, и в своем теле.

Учитель дал мне книгу на парковке закусочной «Олимпия» в конце октября – «Лолиту». На обложке черно-белая фотография девичьих ног, кружащихся в двухцветных кожаных туфлях и юбке. Никто не смотрел на нас на парковке, смотреть было некому. Было поздно и темно, а если я вернусь домой поздно, родители заметят. Мне следовало быть дома. Наши машины припаркованы рядом, но я еще не сидела в его автомобиле – арендованном новеньком «Фольксвагене Джетта» синего цвета. Он выглядел таким крутым по сравнению с моим старым коричневым «Саабом» (цвета грецкого ореха, если сказать красиво). В стереосистеме мистера Норта играла песня Джона Майера.

Он сказал, что Набоков перевернет мой мир, что я никогда не стану прежней после прочтения. Он прочитал мне начало, пока машины неслись по автостраде позади нас. Я оперлась бедром о дверь своего авто, глядя на звезды и уличные фонари в боковом зеркале. Оно было запачканным и мутным. «В моих объятиях она всегда была Лолита». Он коснулся моей руки тыльной стороной пальцев. Всего на секунду, но все внутри меня ожило, и я точно знала. Знала, чего хочу.

11

Череда школьных звонков стала нашей песней – первый означал, что я могу идти к нему; второй, что я почти пришла, предупреждение, что если не потороплюсь, меня остановят в коридоре и отправят после уроков; третий, что я в безопасности в его кабинете, сигнал безопасности. Он выписывал мне справки, чтобы учителя не винили меня за опоздания, за отсут-

⁶ Стихотворение Маргарет Этвуд «Siren Song».

ствие на уроках, помечая графу «Освобождена от урока» и указывая «Причина: дополнительная помощь в писательстве». Или помечал: «Допустить к уроку» или «Простить отсутствие». У учителей был свой код. Дата, время, номер кабинета. «11/11, A105, 11:27».

Он размашисто выводил свое имя на бланках, всегда зелеными чернилами, удивляя меня своей ручкой. Иногда использовал псевдонимы учителей. «Для: Джососа» вместо мистера Джозефа. Однажды я спросила его, почему – сжимая большие пальцы внутри кулаков, переводя взгляд с часов на него и обратно на часы. Сумка была тяжелой. Я жутко опаздывала.

– Учителя не всегда мистер и мисс, знаешь ли, – он надел колпачок на свою перьевую ручку, точно пытаясь научить меня чему-то. – У них есть свои имена. Они не только учителя.

Я снова взглянула на него и вышла из класса.

* * *

Другие учителя, должно быть, замечали, что во всех моих справках об опозданиях и пропуске уроков расписывается мистер Норт, но никого не интересовало что-то помимо этих клочков бумаги. Мне даже в коридорах не задавали вопросы, на которые справка не могла ответить.

Однажды я сидела в его классе, солнечные лучи еще проникали через окно, но пол был уже холодным. Стоял ноябрь, но снег еще не выпал. Мне полагалось быть в каком-то другом месте. Наша стандартная ситуация в его прямоугольном кабинете: он, объясняющий что-то у доски; ученики за партами, сидящие лицом к доске; я, устроившаяся рядом с книжным стеллажом у задней стены; мои учебники и тетради разложены на полу между стеной и партой. Никто из учеников никогда не спрашивал, почему сзади сидит девчонка. Не уверена даже, что меня всегда замечали – нужно было бы встать, повернуться и наклониться под определенным углом над своим местом, чтобы меня заметить. Однако учитель, глядя на своих учеников, мог смотреть прямо на меня. Шел урок английского в десятом классе. Никто не знал моего имени, всем было все равно.

Я читала книгу Набокова, «единственную убедительную историю любви нашего столетия», как гласила цитата журнала *Vanity Fair* на обложке. Это был учительский экземпляр, с его пометками, в которых я должна была разобраться. Я не сразу заметила, что он написал своими зелеными чернилами для меня:

Для Элиссон,

Эта книга о страсти, жажде и профессиональных рисках. Удар молнией.

Наслаждайся.

– Н. Н.

Я продолжила читать, уже добравшись до одиннадцатой главы, где шла речь о записной книжке Гумберта Гумберта, в которой он отмечал свои наблюдения за нимфеткой. Сначала я не знала, что означает это слово – что-то связанное с нимфой, мифическим существом? Спросила мистера Нортона, и он посоветовал мне заглянуть в *Oxford English Dictionary*⁷. На самом деле он сказал *O.E.D.*, но, спросив в библиотеке, я узнала, что там есть только словарь *Webster's*. Я узнала, что слово происходит от греческого и латинского (*nympha*), но смысл мне все равно остался не до конца понятен. Помимо мифологического толкования, также упоминались незрелые насекомые. Бабочки-подростки. Я понимала, что это что-то сексуальное, соседние слова делали это очевидным, но что сексуального в создании подросткового возраста? На стадии между личинкой и взрослой особью, между младенцем и взрослым. Как тот, кто находится как

⁷ «Оксфордский словарь английского языка», или *O.E.D.*

раз на этой стадии, я сочла это отстойным. Но когда учитель упоминал слово в беседах со мной или разговорах относительно меня, я лишь улыбалась и соглашалась.

В одиннадцатой главе «Лолиты» говорится про календарь Гумберта, в котором он отмечал наблюдения за своей нимфеткой. *«Воскресенье... Полоска золотистой кожи между белой майкой и белыми трусиками. Перегнувшись...»*

Вид со спины, как говорил Гумберт, как подчеркнул мистер Норт. Сначала я подумала, что речь идет о каком-то морском создании, может, дельфине? И только когда я нашла слово опять, в старом надежном экземпляре словаря, я покраснела.

Мистер Норт выписал еще один отзыв набоковского романа, который был на обложке, словно напоминая мне, что я читаю: «Снобистский порнографический мусор». Однажды за ужином он сказал мне:

– Красота в том, как здесь переплетаются порнография и история любви, – пока жевал картофель фри.

Я тряхнула головой, не совсем понимая, и записала слова на салфетке. А затем наблюдала, как они растворяются в воде перед тем, как мы ушли. Но записав, я запомнила.

В тот ноябрьский день я следила за его руками, измазанными мелом. Ждала, когда он напишет заветную цифру на доске, означающую наш последующий ужин. Пока не написал. Глянула на часы – всего минута до первого звонка, начало конца урока. В предыдущей главе «Лолиты» я подчеркнула:

«А вот среди них – она, потерянная в их толпе, сосущая карандаш, ненавидимая наставницами, съедаемая глазами всех мальчишек, направленными на ее волосы и шею, моя Лолита».

Мне казалось, никто не замечает меня на полу в классе. Ни ученики, ни остальные учителя, ни даже мистер Норт. Я подумала о его руках. Представила, как сжимаю одну и вытираю мел с его руки о свою юбку, представила, как целую кончик его большого пальца, где у него была мозоль от игры на гитаре. Он сказал мне, что писал песню о том, что влюбился недавно, я надеялась, что это обо мне. Подумала, что бы сделала Лолита.

«Полоска золотистой кожи».

Я обернулась.

К тому моменту я забилась почти что в угол за его столом. В легкую тень между столом и синей стеной из шлакоблока, знала, что никто из учеников меня не видит. Больше не смотрела на учителя. Склонилась над книгой, повернувшись теперь лицом к окну, а к нему спиной, сидя на коленях. Я знала, что пока вчитываюсь в страницы, что он мне преподнес, в такой позе, верхний край моих черных кружевных трусиков, купленных папиной кредиткой, будет торчать из-под джинсов с низкой посадкой, и что когда мистер Норт обернется поговорить с учениками, он увидит полоску моей кожи.

Однажды за ужином в закускойной он написал о моем возрасте, о том, как неправильно все это и что нам не следует быть вместе: «Девушки, которым всего восемнадцать, красуются в журнале Playboy, и нам говорят смотреть на них, а потом появляешься ты...» Он не закончил мысль даже на бумаге. Но показал ее мне. В тот момент в классе я поняла, как магия Лолиты действовала на Гумберта.

«Вот, должно быть, как работает сила».

Прозвенел первый звонок. Началась возня, шумдвигающихся стульев, застегивающихся рюкзаков, шелест бумаг, ручек, – все готовились уходить. Я услышала его голос, сообщающий домашнее задание, которое он не станет никому повторять дважды. Слышала, как посторонний шум стихает, как приближаются его шаги, затем замирают. Я выгнула спину, медленно села ровно и откинула свои длинные темные волосы. Крутя локон одной рукой, а в другой все еще держа Набокова. *«Полоска золотистой кожи».* Мне казалось, тишина растягивается на несколько часов, пока я ждала, что он заговорит, не просто на бумаге и с помощью мела. Я

взглянула на него через плечо, и он склонился надо мной. Мы никогда еще не были так близко друг к другу. Я ощущала тепло его крови своей щекой.

– Какая же ты сексуальная, – сказал он. Я встретила его взгляд. Прозвенел второй звонок.

12

В какой момент мужчина превращается в волка? В сказках и мифах он преобразается моментально. Злая ведьма указывает на него пальцем, бог кивает головой. Бум. Может, появятся дым и сера. Или мы просто понимаем, что все изменилось. Мужчина стал кем-то опасным.

Мне казалось, в этой истории я сильный персонаж. Блеск для губ и низкие джинсы, достаточно низкие, чтобы было видно мой животик, когда я тянусь взять что-то. Мне казалось, я та, кто устанавливает правила.

Пожалуйста, входите, машу я. Мой дом пустует, я рада хорошей компании. Облизываю губы. Дверь закрывается за нами двумя.

В реальном мире трансформация происходит так медленно, так спокойно, что ее почти не замечаешь. Как зреет фрукт, превращаясь в нечто съедобное из семечка в холодной лунке, перемена во взгляде, когда кто-то смотрит на тебя. Но точно, как в сказках и мифах, все внезапно необратимо меняется.

Двадцатого ноября учитель спросил, какого размера бюстгалтеры я ношу. Во время самостоятельной работы в классе мастерской мы передавали друг другу записки.

«Знаешь, ты очень красивая». Я наморщила нос и посмотрела на него. Нас окружал запах дерева. Даже сегодня я могу учуять свежие опилки, и как я сижу среди них, мне семнадцать, дневной свет просачивается сквозь окно на задней стене кабинета. На моих ладонях остается пыль, если я прижимаю их к скамейке.

«Правда, – написал он. – Классические песочные часы. Узенькая талия».

Я сдержала улыбку, но почувствовала, как краснеет моя кожа.

«Какого размера твой бюстгалтер? Могу поспорить, твердая С».

Все внутри меня сжалось, никогда прежде мое сердце не билось так быстро. «Что, прости?» – написала в ответ я.

«Да ладно тебе. Со мной не нужно стесняться».

Я лишь покачала головой, слишком резко, возражая слишком ярко.

«Предлагаю обмен».

«На что?»

«Ты скажешь мне свой размер, я скажу тебе свой». – Он посмотрел прямо на меня, когда вложил листок в мою руку.

Никогда прежде мое сердце не билось так быстро. Я была уверена, что он это слышит, что это слышит весь класс.

«Меняемся? – написал он. – Я ведь все равно узнаю. Не заставляй меня ждать».

Я протянула свою розовую ладонь. Он положил свою поверх моей и пожал мне руку.

«32C⁸».

«7 ¾⁹».

Я поняла, что не знаю, что означает на самом деле число. «Это много для пениса?» – спросила я у себя. Уже не была девственницей, но никогда не мерила с линейкой во время секса. Однако, если он говорит мне, значит, это должно быть много.

«Ого!» – написала в ответ я. Подчеркнула дважды.

⁸ Американская размерная линейка, соответствует российскому 7 °С.

⁹ 7 ¾ дюйма ≈ 19,6 см.

Он улыбнулся мне. «Да, – и нарисовал смайлик. – Не могу тебя дождаться».

Я нарисовала смайлик в ответ. Звонок прозвенел, и он разорвал листок, на котором мы переписывались. На мелкие кусочки, как снежинки, которые он сыпал в мусорное ведро, стоящее рядом со сломанным куском древесины. Я медленно собирала вещи под гул звонка, заставляющий меня чувствовать себя маленькой. Опять опаздывала. Он знал и выписал мне справку, «11/20/12:35», для урока по писательскому мастерству. Я прижала учебники к груди, выходя из класса, хихикая, как школьница, которая знает какой-то секрет. Не могла поверить, что он доверил мне что-то настолько личное.

В какой момент девочка становится жертвой?

13

Дорогой читатель, если тебе кажется, что все развивается ужасно быстро, это потому что все именно так. Всего за несколько недель я прошла путь от чувства полного одиночества до обладателя главной роли в школьной пьесе; мое писательство не просто поощрялось, а восхвалялось; у меня появился человек, к которому, я знала, могу обратиться, человек, рядом с которым чувствовала себя в безопасности даже в коридорах школы. И все это благодаря ему. Мой учитель, мой рыцарь в сверкающих доспехах, мой тайный поклонник. Мистер Норт. Ник. Теперь я беспечно гуляла по школе в любое время, потому что в выписываемых справках была моя власть. Этот маленький листик бумаги не только защищал меня от неприятностей, но еще и постоянно напоминал о мистере Норте, это было что-то, что я могу держать, на чем красовались мое и *его* имена. Вместе. Настоящее подтверждение того, что учитель мной дорожит, обо мне заботится. Так он меня защищает. «В тайне и в безопасности», – он мне говорил, мне писал, шептал, прежде чем я выходила из класса. Никогда раньше я не чувствовала себя так в школе. Мне всегда казалось, за мной следят, на меня охотятся. Теперь мне казалось, никто не может меня достать. Мне казалось, я наконец в безопасности.

14

Выходные в «Rhapsody in Brew», местном кафе. Когда у учителя были выступления в городе, где он играл на гитаре, пел свои песни и каверы других, я всегда приходила. Иногда приходила первой. Пыталась выглядеть крутой, пила кофе у барной стойки, улыбалась кассиру, поправляя прическу. Однако учитель не замечал. Я там была не единственной девчонкой.

Хотя после обеда в школе и вечером в закусочной мы были вдвоем, на его концерты приходили толпы других школьников. Девчонки, по большей части, но и парни бывали. Девочки считали его «таким клевым», мальчики «таким крутым». Темные волосы и легкая улыбка, бывший квотербек футбольной команды Хант. Каждый находил в нем что-то, что нравится.

Почти все мои школьные парни играли на гитарах. Я знала, что мы влюбились друг в друга, потому что парень писал для меня песню или просто пел одну из песен альбома *Crush* группы Dave Matthews Band, песню *I'll Be* Эдвина МакКейна или *Glycerine* группы Bush, глядя мне в глаза, пока мы сидели наедине в его спальне. Парни сочиняли что-то сами, упоминая детали нашего первого свидания или вкладывая в смысл слов наш общий секрет. Так я понимала, это по-настоящему.

Учитель пока не писал для меня песен. Но иногда, когда пел и его руки скользили по гитаре, он смотрел прямо на меня, в мои глаза, и мне казалось, мы снова вдвоем. Все мое тело покрывалось мурашками и расслаблялось, когда он так делал.

После выступлений, которые обычно состояли из нескольких песен, он убирал гитару и садился, позволяя кому-нибудь купить ему кофе, рассказывал о песнях, которые пел, о том,

что в них заключались страстные метафоры. Слово «экстаз» даже частично не описывает то состояние, в котором я находилась, когда он так делал.

Когда мы виделись в следующий раз, я начинала расхваливать его выступление, мне приходилось сдерживать себя изо всех сил, потому что от одного лишь воспоминания меня бросало в жар. Он скромничал, говорил:

– Да что ты, я просто дурачился, – но всегда был рад, что я прихожу. Хотя я никогда не разговаривала с ним во время его выступлений, потому что на них присутствовало как минимум еще двадцать школьников, и казалось, все они были куда важнее в такие моменты, чем я. Однажды я спросила, почему он буквально игнорирует меня там, и он сказал, что тогда всем станет очевидно, как много я для него значу.

– Нужно хранить все это в тайне, помнишь?

Я понимала, поэтому всегда говорила, что все в порядке.

– Да, определенно.

Но каждый раз, глядя, как он разговаривает с другой девушкой, я не могла ничего с собой поделать, во мне все горело и напрягалось, я тут же представляла, как он встречается с ней в другой закуской по вечерам, когда не встречался со мной, тут же думала, что он пишет для нее. В такие моменты я закрывала глаза, делала вдох, выдох и говорила себе снова и снова: «У него только я. Только я. Только я». И все, что происходит, происходит потому, что я одна уникальна, что он ни за что бы не стал так рисковать своей работой ради другой девушки. Что я была его единственной. Верила ему. Пройдет несколько лет, прежде чем я узнаю, что это не так.

15

До сих пор это история о взглядах. Все это: долгое совращение, непересеченные границы, соблазн, фантазии, подражание набоковской «Лолите». Эта часть истории о глазах, о том, как я ощущала себя, глядя на кого-то, кто глядел на меня в ответ, о том, чтобы замечать и быть замеченной. Я лишь хотела, чтобы меня замечали. Знали, понимали. Чувствовать ту самую связь, когда встречаются взгляды, то общение в такие моменты, где слова не нужны.

А еще это история о границах. Об отражении в зеркале, о зазеркалье – ты протягиваешь руку и понимаешь, что есть нечто, разделяющее тебя и то, что по ту сторону. Ты в ловушке на своей стороне. Другую ты можешь лишь наблюдать. И то, за чем ты наблюдаешь, даже не всегда правда.

16

На уроках латинского нас вызывали к доске склонять слова. Парты стояли идеально ровно, как послушные дети, мистер Уиллиамс был всегда непреклонен, но все равно добр в своих попытках приучить нас здороваться, говоря: «Salve». Все еще стоял ноябрь, мы проходили третье склонение, он перестал игнорировать меня в классе (теперь я посещала уроки уже два месяца). Он вспомнил, кем я была, и продолжал искать во мне ту ученицу. У него были короткие седые волосы, и он всегда ходил в галстук-бабочке. Одно из его эссе было о том, что латинский является «закруглением» в углу дверной рамы, и публиковалось в журнале New York Times. Он вызвал меня.

– Элиссон! Dolor!

Я поднялась и начала с именительного падежа слова, обозначающего боль и печаль:

– Dolor, dolores, doloris, dolorum... – уверенно продолжила звательным падежом, в единственном и множественном числах. У меня было много проблем, но латинский никогда не был

в их числе. Даже спустя год изучения французского, пока я ходила в терапевтическую школу, латинский остался в моей памяти и отскакивал от зубов.

Он кивнул, я села обратно и начала скучать, рисуя слова в своей тетради: *dolor, dolores, боль*. Что-то внутри меня звенело. Я начертила сердечко и переписала слово *dolores* письменными буквами, затем еще раз. Звенит. «Dolores. Dolores! Настоящее имя Лолиты – Долорес!» – я подумала, смогу удивить мистера Норта своим открытием. Буквально представила:

– Итак, настоящее имя Лолиты происходит от латинского слова, означающего «страдание». Разве это, типа, не потрясающе? – прыжок, разделяющий Долорес и Лолиту, печаль и секс. Но что-то продолжало звенеть.

Я знала, что такое печаль. К тому моменту рассталась с достаточным количеством парней, и изнутри тоже бывала разбита. У меня бывали плохие оценки, мне не доставались роли в спектаклях, о которых я мечтала, я терпела неудачи во многом. Однако помимо ежедневных невзгод, я знала кое о чем похуже.

Я провела в депрессии немало времени, годами посещала психотерапевтов и психиатров. У одного из моих любимых психотерапевтов на столе стояла банка с лимонными дольками в сахаре. Еще один психиатр носил костюмы на два размера больше, чем нужно, и его шея качалась из стороны в сторону, окруженная огромным воротничком, пока он обсуждал с моей матерью новые таблетки. За прошедшие годы мне назначали более двадцати разных лекарств, от Прозака до Лития. Когда я ходила на ЭСТ, то ненавидела сам факт того, что подвергаюсь *шоковой терапии*, так сильно, что он перевешивал тот факт, что это и впрямь помогало. Я составляла списки известных людей и писателей, у которых была депрессия и которые проходили через ЭСТ, и клеила на стены: Кэрри Фишер, Вивьен Ли, Джуди Гарленд, Вирджиния Вулф, Сильвия Плат. Когда я читала «Под стеклянным колпаком», мне казалось, я смотрю в собственный дневник, который не могла написать, потому что все давалось слишком тяжело. Я чувствовала родство с писателями, как Плат. Она тоже утопала в своей грусти.

«Имя Лолиты означает грусть». Какая-то мысль, связанная с этим, вертелась у меня в голове, в груди, точно в клетке, но пройдет много лет, прежде чем я дам этому объяснение. Пройдет много лет, прежде чем я пойму, как связаны Лолита, боль и я.

17

Хотя мистер Норт с легкостью прочел уже сотню исписанных мною тетрадных страниц (в своих тетрадях я обращалась напрямую к нему, как было сказано; к тому же он прочел другие исписанные мною тетради, которые я вела для себя, для мисс Кроикс и вообще писала бесконечно), мы никогда подробно не обсуждали мое прошлое. Я упоминала кое-что в своих записях, писала о тьме и беспокойствах и носила рубашки с короткими рукавами, так что на солнце были видны мои шрамы на руках, мои безмолвные напоминания о том, что я резала себя. Но все же. Мы это не обсуждали.

Я сидела одна в классе мистера Норта, ждала, когда он вернется откуда-то, писала, как послушная ученица, какой и являлась.

Услышала, как входная дверь распахнулась, и внезапно он уже стоял рядом со мной, положил листок бумаги на стол передо мной, спросив, что это такое и почему там нет моего имени. Это был избирательный бюллетень, который заполняли учителя, с номинациями за «Лучшие наряды», «Будущего президента», «Самого популярного в школе» и так далее для школьного альбома, где считали голоса. Я нигде не упоминалась.

Я пожала плечами, но перестала писать.

– А на что это похоже?

Он снова спросил, почему я не подаю свою кандидатуру в номинацию «Самые красивые глаза» или «Будущий успех», или еще что-нибудь. Он по-прежнему почти ничего не знал обо

мне, несмотря на все то, что я писала и он читал. Я не знала, как писать о таких вещах, о докторах и лекарствах и всем подобном.

– Ты самая симпатичная девочка здесь, а еще ты умнее их всех. – Он верил в то, что сказал, я это видела. Я прикусила щеку изнутри и не ответила.

– Зачем они будут номинировать меня, если не знают, останусь ли я здесь до Рождества? – я отодвинула листок обратно к нему, а затем он очутился передо мной, встал на колени, и его лицо оказалось напротив моего. Его правая рука лежала на его брюках цвета хаки, и он был в клетчатой рубашке темно-малинового цвета.

– А почему не останешься? Куда-то собираешься уезжать в следующие пару недель?

Я притворилась, что он меня не видит. Чувствовала себя подавленной.

Закатила глаза. Чувствовала, как кровь циркулирует по моему телу. Как глупо. Устала лежать на линолеуме на полу, слышала, как он поднимается и уходит. Слышала, как входная дверь закрывается. Подняла глаза, ожидая увидеть пустой класс. Но он был все еще здесь. Смотрел прямо на меня.

– Эй, – сказал он. Я смотрела, как глупая слеза падает на мои штаны и появляется крошечное темное пятнышко.

– Эй, Эли. Я здесь. – Его лицо теперь было прямо напротив моего, и я была уверена, что мой макияж уже размазлся, я была красной и страшной и не понимала, почему он до сих пор не ушел. Лишь мои волосы прикрывали это месиво. А затем почувствовала, как его рука откидывает волосы с моего лица. Сделала глубокий вдох.

И я просто рассказала ему. Все. Про врачей и свой диагноз: депрессия, нервное расстройство, бессонница. Рассказала, что иногда не могла спать по несколько дней и постоянно пропускала уроки, рассказала про сеансы психотерапии и о том, как просто хотела умереть, по-настоящему умереть, про лекарства и терапевтическую школу, где провела целый учебный год, потому что меня в буквальном смысле выгнали из моей школы после окончания средних классов. Про то, как моя мать ссорилась с заместителем директора, про то, что «закон обязывает делать исключения для людей с нарушениями здоровья», про то, как на меня пялятся остальные ученики, про слухи, – все. Про свои руки, про свои шрамы. Рассказала больше, чем рассказывала кому-либо за раз. А он просто присел на одно колено, слушая, пока я глотала ртом воздух. Как предложение без вопроса.

– А теперь я здесь, и все ужасно, – закончила я, судорожно пытаюсь вытереть лицо.

– Эй, – сказал он. Я ждала худшего, самого худшего, что его лицо позеленеет от отвращения и презрения, когда я взгляну на него, или от страха, как смотрят на сумасшедшего, прежде чем уйти. Знаю тот взгляд. Я снова почувствовала его руку, но теперь на моем колене – подняла глаза, и он оказался там. Я затаила дыхание.

– Я очень рад, что ты здесь, – сказал он. – И ты никуда не уйдешь. Не уйдешь, если я могу помочь. – Он улыбнулся мне. Он верил своим словам. И эти слова отозвались в моем сердце сильнее, чем когда-либо. Вот он, герой-завоеватель, который пришел спасти меня.

Спустя много лет Этвуд опишет этот момент для меня: «Это одна из песен, которую каждый хочет послушать: песне этой невозможно противиться». Урок заключается именно в том, *почему* ей невозможно противиться. В тот момент, когда учитель положил руку мне на колено, чтобы меня утешить, я ощутила всем телом, поняла все – чтобы быть привлекательной, неотразимой, стоящей того, чтобы тебя заметили, нужно быть как красивой, так и открыто нуждаться в чем-то, быть сломленной. Идеальное искусство красоты и боли. Набоков писал, что красота в комплекте с жалостью – самое приближенное к пониманию искусства, какое мы можем получить. Мне нужен был взгляд учителя, чтобы чувствовать себя красивой.

18

Я уже читала вторую часть «Лолиты». Она мне казалась довольно скучной. Постоянные поездки на автомобиле, мелькающие за окном дороги, страницы, описывающие карту, пейзажи, отели и мотели. «И это романтика?» А затем я дошла до тринадцатой главы, где Долорес (Лолита) влюбилась в театр. «О, – подумала я. – Она точно как я».

Впервые я нашла что-то общее между собой и Лолитой. Хотя я постоянно и хотела быть как она – такой же желанной, сильной и обворожительной, – знала, что являюсь всего лишь скучной подделкой. Я наблюдала за Лолитой сквозь призму набоковского повествования и восхищалась. Мне хотелось подражать ей во всем, так как она действительно решала, на что тратить свое время. Она получала, что хотела. Об этом я тоже мечтала. Мечтала быть как Лолита.

Репетиции пьесы проходили быстро, приближались те самые выходные, когда должна была состояться премьера. Я впервые играла главную роль. У меня начинало болеть сердце, и ядовитое волнение жгло желудок, подкатывая к горлу. Я очень сильно старалась сделать все хорошо.

Учитель сказал, что нам нужно поговорить. Без цифр, без записок – шепнул мне на ухо в актовом зале, когда я убирала в сумки сценарий после репетиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.